

Морозова Елена
(актерка)

20.07.05.

НОВАЯ ГАЗЕТА - 2005 - 18-20.07. -

- С. 24, 25

СВИДАНИЕ

Погружение в роль как в морскую пучину, до трансового состояния, невменяемости и физического преображения встречается крайне редко. Актриса Елена МОРОЗОВА начала путь к такому театру со странностей. Еще во время учебы в Школе-студии МХАТ ходила на занятия со змеей на груди, в течение месяца проходила випассану (обет молчания), загорала голышом на крыше вуза. Ее называют странной или «поехавшей», она не реагирует.

Морозова работала с Романом Виктюком, Владимиром Мирзоевым, Сергеем Алдоным, Климом, Алексеем Учителем. Если работает в антрепризах, то блистательно — надо видеть ее Марту в комедии «Боинг-боинг». Кроме Школы-студии МХАТ, училась на экономиста в Университете культуры и в МИСИСе на факультете стали и сплавов для ракет и авиации. Мечтала найти металл, благодаря которому можно лететь далеко и быстро, чтобы до Марса за два дня.

Кажется, Елена Морозова нашла этот металл в себе. Именно его мерцание мы видим на сцене.

— В издательстве «Запасный выход» осенью выходит роман «Актриса», посвященный вам. Вы его читали?

— Я его пишу. Своей жизнью.

— Окончив вуз, вы не пошли служить на зарплату ни в один театр. Театральные сплетники много лет живут вашими снами, которыми вы делитесь с прессой. Как вам порхаётся между сценой и снами в этом мире трудовых книжек, телефонных счетов и аудиторских проверок?

— Вы говорите про голубую книжечку, на которой написано «труд»? Кажется, она лежит в Драматическом театре Станиславского. Может быть, она переедет в ближайшее время в другое магическое место.

События — они развиваются независимо от нас.

У меня нет привязанности к реальности. Верой в окружающую реальность человечество введено в заблуждение, потому что так спокойнее. Иначе мы бы уже давно побывали в других галактиках. Мое движение в пространстве — это вертикаль. Через свои роли, через персонажей, которых я оживляю, я разговариваю со зрителем, небом, судьбой.

Вчера мне рассказали о дайверах, которые ныряют на 60 метров. Ныряя, они возвращаются в то состояние, в котором мы были девять месяцев. Оставшиеся на земле забыли в себе память об этом состоянии, внушили себе: «Главное мозг, у!». Серьезное отношение к той жизни, что мы назы-

НОВАЯ ГАЗЕТА - 2005 - 18-20.07. - С. 24, 25

Во тьме сцены гуляет ураган радиопомех. Жернова глушилок перемалывают звуки мира в хаос осколков. Слабо светятся панели старых приемников: динамики еще затянуты тканью.

Желтоватые пятна света дрожат во тьме. Как светляки (по другой версии — неупокоенные души) ночью над кладбищем.

Герой спектакля Дмитрий Дмитриевич Шостакович много лет тайно слушал Би-би-си. И никогда-никогда не забывал сбить настройку приемника после передачи. Чтобы запутать стукачей, разумеется.

Такое дело чести, доблести и геройства. Ежечасный опыт унижения.

Елена ДЬЯКОВА

обозреватель «Новой»:

«История первого исполнения Седьмой Шостаковича в блокадном Ленинграде кажется хеппенингом арт-группы «ЦК ВКП (б)»

«Шум времени» Саймона МакБерни прошел на Чеховском фестивале. Спектакль лаконичен, как канцелярский стол 1930-х с эбонитовой лампой и телефоном. Состоит из желтоватых пятен света во тьме, из черно-белых фото, спроецированных на старые пальто и потертые шинели, на обломки виолончельной деки, на задник — стену, плотно увешанную списками.

Скверная, блеклая бумага: в ней, помнится, попадались стружки. Понятно, откуда стружки летели: лес — от Соловков до Тайшета — рубили эки.

Списки, несомненно, проскрипционные. Радиоголос читает слова Шостаковича: «Думаю о друзьях и вспоминаю, что все они теперь трупы».

Пустые венские стулья стоят на сцене рядами. Потом взлетают под колосники, с грохотом рушатся, образуя пирамиду, памятник Неизвестному Слушателю. Радиоголос из старого приемника цитирует и свидетельствует...

Чего мы не знали? Набыченного хамства цивилизации малограмотных? Гогота, топота, с которыми в 1936-м хоронили «интеллигентские самокопания» этой музыки? Или истории Седьмой симфонии: 15 музыкантов остались в оркестре Ленинградского радиокомитета, самолет с партитурой прорывал кольцо блокады. (Д.Д. Шостакович был эвакуирован в октябре 1941-го.) Бомбардировавший увез Седьмую за океан. У союзников дирижировал Тосканини. А

Елена Морозова:

Предпочитаю дни, проведенные за нос

Актриса после обета молчания

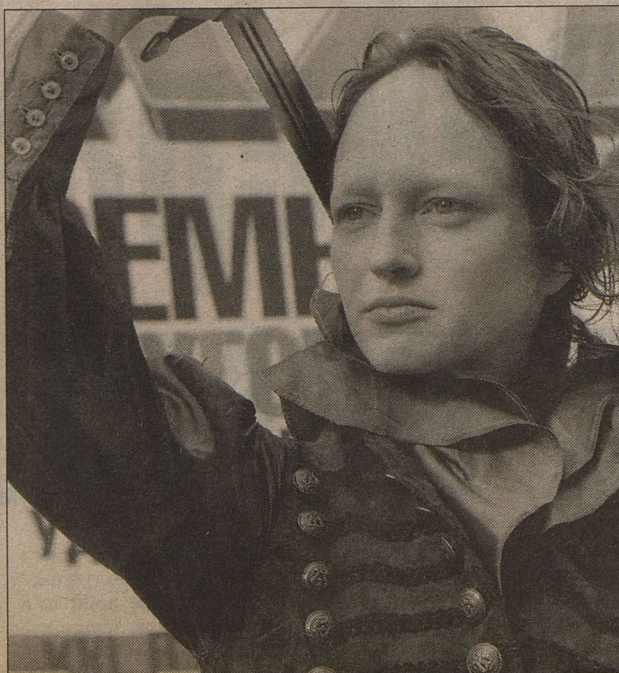
ваем реальностью — это скотство.

— Вы играете клубный моноспектакль по сетевым дневникам покончившей с собой фотомодели, дочери нью-йоркского олигарха и ВИЧ-инфицированной писательницы — «Дневник грязной Евы»...

— Было так. Мне давали много листов в руки, ставили музыку, включали микрофон, запирали в студии звукозаписи, и я читала. Некоторые листки попали случайно. А потом они стали

иметь отношение, и еще какое. «Ева» вся соткана из случайностей. Случайное знакомство с режиссером Борисом Бергером (в моей жизни он как граф Монте-Кристо) вылилось и в спектакль в «Новой драме», и в запись одноименного диска, в серию спектаклей в «Театре.док». Еве до сих пор есть что сказать.

— Саша Соколов писал в «Школе для дураков»: «У каждого человека есть свой, не похожий ни на чей, календарь жизни. И потому бывает,

Из проекта «Дневник грязной Евы»

«Люди закрываются от искусства, сделанного «усталыми»

что несколько дней приходит сразу. А бывает, что день долго не приходит. Тогда живешь в пустоте, ничего не понимаешь и сильно болеешь». Вам это знакомо?

— Ну да. Но эта болезнь бывает тогда, когда я не репетирую ничего интересно. Или походишь по театрам, посмотришь фильмы — заболеваешь. Но от этого есть лекарство. Хорошая музыка, настоящая литература. У меня есть знакомый тренер по плаванию, Нартов Павел Владимирович. Он тренирует девушку-инвалида Ольгу Соколову, она слепая. Они взяли в Афинах одну золотую и две серебряные медали. Я представила, что ему задали такой вопрос. И он бы сказал: «Вот моя Ольга — я у нее учусь, что такое жизнь». Она родила зрячего ребенка, у нее зрячий муж-программист, который содержит семью. Там не возникает таких слов, они невозможны: «У меня пустота, пустой день!». Там совершенно другая энергия жизни, иной смысл жизни, который нам, здоровым, непонятен. Потому что нам необходимо страдание.

Русское — это страсть к страданию. Нам необходимо страдать и мучиться по како-

му-нибудь поводу. Проснувшись с заплаканными глазами, стойко пойти на работу. Я этому удивляюсь. Я предпочитаю день, проведенный за нос. С друзьями, на природе, с любимым человеком, не вылезая из кровати, с хорошей книгой, с детьми. День без выдуманных страданий. Потому что большинство страданий человеком выдумывается. И лишит себя страданий человек может только сам. Ольга, наша чемпионка, могла бы не выигрывать ничего и всю жизнь страдать. Не стала.

— Вам не кажется, что мы требуем от искусства чего-то уже невозможного? Духовности, например. Ищем выхода в тупике, в предельно уставшем материале?

— Дело не в усталом искусстве, дело в усталом человеке — будь то режиссер или зритель.

Естественно, люди закрываются от искусства, сделанного «усталыми». «Искусство? А, вот это? Спасибо, тогда не надо, мы лучше пойдем попьем пива». Моя задача — превращать усталых зрителей в жизнерадостных, любящих, верящих людей.

● Екатерина ВАСЕНИНА

Реквием для семижильной струны

«Шум времени» театра «Комплисите» (Великобритания) при участии «Эмерсон-квартета» (США) — на Чеховском фестивале

мировая премьера пятнадцати умирающих вошла в легенду. Легла камнем в серую пирамиду фараона — к прочим 27 миллионам.

И история первого исполнения Седьмой Шостаковича в блокадном Ленинграде кажется хепенингом артгруппы «ЦК ВКП (б)». Акцией за пределами цинизма — с обреченным на голодную ледяную смерть Петербургом в реквизите.

Невыразимо фальшивая, вымученная сладость песни «Родина слышит, Родина знает» режет слух. Корректный радиоголос осторожно предполагает: это злейшая пародия, гротеск Шостаковича, который так и не удалось убить. Он превратился в соц-арт 96-й крепости.

Эту самую песню пел на орбите Юрий Гагарин. Без всякого соцарта. Она стала первой земной музыкой в космосе. И от этого знания соотечественнику так же невозможно уйти, как от блокадной премьеры Седьмой.

Полтора часовой спектакль задевает многие нервные узлы нашего исторического сознания. Точечными уколами. Но не всколзье.

Из динамика гремит ранняя симфоническая музыка Шостаковича: какая сила, какая яростная, сложная, великодушная гармония огромного оркестра!

Он преодолевает хаос и мышиный посвист беды в закоулках 1920-х. Все знает про время — и усилием творческой воли приводит опыт к гармонии, правит штормом. (Кто-то писал о Шостаковиче: в 1920—1930-х самой неподцензурной стихией стала музыка. Она и сказала все имеющим уши.)

А корректный радиоголос рассказывает, как силу высасывали и убивали.

«Самым трагическим гостем Нью-Йорка на прошлой неделе был... Дмитрий Шостакович. Являясь символом свирепости полицейского государства, он говорил, как коммунистический политик, и действовал так, как будто его приводил в движение часовой механизм, а не сознание, творящее удивительную музыку» («Тайм», 1949).

Все это осталось бы литературно-музыкальной композицией, делающей честь чувствам режиссера, если бы не вто-

рая часть. 15-й струнный квартет Шостаковича. Опус орле-ноносных и предсмертных 1970-х. В исполнении замечательного «Эмерсон-квартета» (США), впервые приехавшего в Россию.

15-й струнный квартет венчает спектакль, подтверждает все слова, заставляет вспомнить контекст эпохи. От Ахматовой, прошедшей тот же путь «убийства силы», подмены судьбы (и понимавшей это), до статистики быта Москвы 1930-х, до вывода историков: люди, скученные в 6-часовых очередях, получавшие 40% «хлебной» нормы русского рабочего 1900-х, 20% его «мясной» нормы и 5% «жировой», не могли иметь сил к бунту. И к труду тоже.

У Шостаковича 1920-х гремел шторм звуков. В предсмертном 1974-м плачет одна мелодия. Зябкая, скудная, желчная. Звук теплится, как блокадная коптилка. Тянется, режет сознание, как струна. Аутентичная. Семижильная.

Звук теряет последние силы. Все еще стремится к вариациям, еле заметным, как нервный тик. Дрожит, как пятно света (кому — панель радиоприемника, кому — фонарик над «тамиздатом», кому — лампада, кому — лампочка над пультом оркестранта). Заставляет вспомнить беспощадную желчь отрывистых воспоминаний Шостаковича, записанных Соломоном Волковым.

Эпиграф там возможен один, всенародный: не верь, не бойся, не проси.

Есть опыт страдания, уже не способный просветлить. Тяжкий, как плотина Куйбышевской ГРЭС: там не расстреливали, а сбрасывали живьем в бетон.

«Эмерсон-квартет» (Филипп Сетзер — скрипка, Юджин Дракер — скрипка, Лоренс Даттон — виола, Дэвид Финкель — виолончель) встает от пультов, выходит к рампе. Они явно провожают последние звуки в последний путь.

Как Гамлета — четыре капитана.

А дальше тишина.

«Шум времени» — почти театр теней. И реквием этим теням www.chekhovfest.ru